

The poster depicts a grand, multi-story building at night, its facade covered in numerous clock faces of various sizes. Some of these clock faces are integrated into the building's windows, showing scenes of people inside. The building is illuminated from within, and its lights reflect on the wet, rain-slicked pavement in the foreground. A dark sedan is parked on the left, and several figures with umbrellas are walking on the sidewalk. In the background, the spires of a cathedral are visible against a cloudy night sky. The title 'ПРОИЗВОДНЫЕ ЛЮБВИ' is prominently displayed at the top in a stylized font, with the word 'ПРОИЗВОДНЫЕ' in gold and 'ЛЮБВИ' in red. A small digital clock in the top right corner shows '23:59:02'. At the bottom, there is a rating box, a small white boat icon, and the author's name.

ПРОИЗВОДНЫЕ ЛЮБВИ

23:59:02

ПРОВИДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЭМИН САДЫГОВ

Эмин Садыгов

Производные любви

<https://litres.ru/74627044>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история об Элен. У которой есть всё, что пожелает человек в современном мире: стабильный достаток, любящие родители, верные друзья и люди, которых можно назвать семьёй.

Но самое главное для Элен, как и для многих людей, будем честны, настоящая и искренняя любовь. Если не как в сказке, то хотя бы пригодной для жизни.

Элен повезло — её жизнь как раз и ведома агапэ. И кого объять ею — тоже.

Только вот

Синяки никак не заживают. И если на хромоту можно не обращать внимания — само пройдёт — то хриплый кашель и боль в груди из-за сломанных рёбер игнорировать не получается.

Всякое бывает, — объясняла она себе. — Ну, не в настроении человек, которого я люблю.

Всякое бывает, месяц в психиатрической клинике пойдёт лишь на пользу.

Всякое бывает, ведь любовь иногда может и кричать, и приносить боль.

Всякое бывает, ведь никто не знает, что происходит после «долго и счастливо».

Всякое бывает, ведь таковы производные любви.

Содержание

Предупреждение	6
Пролог	9
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эмин Садыгов
Производные любви

Предупреждение

Все персонажи, события, организации, географические названия и политические реалии в этом произведении вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), государствами, народами и событиями случайны.

Книга предназначена для читателей строго старше 18 лет .

Произведение содержит:

- сцены физического, психологического и сексуального насилия;*
- сцены суицида, суицидальных мыслей и самоповреждения;*
- описания жестокости, боевых действий и их последствий;*
- сцены обращения с оружием и стрельбы;*
- описания психических расстройств, психотических эпизодов, диссоциации, расстройств пищевого поведения и психотерапевтического/психиатрического лечения;*
- obscene лексикy и грубые выражения;*
- провокационные высказывания персонажей, которые являются частью художественного замысла и не отражают личную позицию автора;*
- упоминания наркотических веществ, алкоголя и та-*

бачной продукции, которые носят исключительно описательный характер и не являются пропагандой или рекламой их употребления;

— рассуждения религиозного и философского характера, которые представлены как часть мировоззрения персонажей и не направлены на оскорбление чувств верующих или разжигание религиозной розни;

— обсуждение сексуальной ориентации, гендерной идентичности и межличностных отношений, которое служит раскрытию психологии героев и социальной проблематики и не является пропагандой, рекламой или навязыванием каких-либо взглядов;

— описание вымышленного военного конфликта и политических реалий, которые могут содержать отсылки к современной повестке. Автор не даёт оценок реальным политическим событиям и не поддерживает ни одну из сторон;

— упоминания реальных брендов, торговых марок, персонажей массовой культуры и публичных лиц. Все подобные упоминания носят исключительно художественный характер и не являются рекламой, пропагандой или порочащими сведениями;

— упоминания исторических лиц, идеологий и политических терминов, которые носят художественный характер и не преследуют цели пропаганды, оправдания или разжигания ненависти.

Автор не оправдывает насилие, дискриминацию, нарко-

манию, злоупотребление алкоголем или нарушение прав человека. Все спорные и шокирующие моменты подчинены художественным задачам и анализу природы человеческих отношений.

Персонажи могут допускать стереотипные высказывания, содержащие национальные, этнические и религиозные обобщения; это не отражает позицию автора.

Описания медицины, психологии и юриспруденции упрощены и не претендуют на клиническую, юридическую или академическую точность.

Внимание : если вы или ваши близкие столкнулись с домашним насилием, зависимостями, суицидальными мыслями или кризисными состояниями, обратитесь за помощью по телефонам, указанным в конце книги.

Пролог

— Ты снова не слышишь, что я говорю! — кричала в порыве чувств женщина своему мужу.

— Да твой ор, блять, причина землетрясений на другом конце света! — старался не отвлекаться тот от дороги.

— И это на твоей совести! Почему ты вынуждаешь меня снова рвать глотку просто потому, что не можешь ни услышать, ни сказать то, что нужно?!

— Да что ты хочешь услышать-то, понять не могу?

— Господи, мы дожили до ругани в машине. Как дети малые!

— Так это ты и начала! — обернулся он на неё. — Чем ты не довольна? Буквально вторым предложением я спросил: поедешь ли ты со мной к родителям? Ты согласилась — сейчас, оказывается, ты вдруг стала недовольна. Вспомнила, что я тебя отвлёл от чего-то? Что# — терял он самообладание. — Скажи мне?

— Я не хотела к ним ехать...

— Ну а в чём проблема сказать об этом сразу? Мне нужно было пять раз повторить: хочешь ли ты того или нет?

— Да не хотела я тебя обижать! — сорвалась она, наконец. — Не хотела, чтобы ты подумал, будто я капризничаю или... или меня нужно уговаривать на что-то... Особенно когда хочу проводить с тобой время...

— Разве сейчас мы не вместе?

— Мы сейчас едем к людям, с которыми я так и не смогла найти общий язык. Чувствую себя так... Будто это моя вина. Недостаточно хороша для их сыночка, даже когда стала его женой, — расстроено и с обидой сетовала она, признав причину нахлынувших расстройств.

Оба замолчали и развернулись по разные окна.

Девушка почти театрально скрестила руки, а мужчина грузно потёр костяшками пальцев висок.

— Мы же не разучились говорить друг с другом? — обречённо спросила жена чуть шёпотом, глядя на свои руки.

— Конечно, нет, я... Мне важно, что ты говоришь, как говоришь, но меня всегда... не знаю, напрягает, когда ты злишься, а я не понимаю, почему. Не понимаю, что делать и что нужно сказать и как себя вести, чтобы не обидеть тем, что я не вкладываю как претензию или... демонстрацию какой-то там своей роли, — муж выдохнул. — И мне неважно, что о тебе думают родители, но они... всё ещё дорогие люди, а когда ты рядом — намного спокойнее переживать этот момент.

— Можно ничего не говорить. Мне просто нужно было настроиться...

— То есть... Тебе нужно выговориться, а мне побыть мишенью?

— Да.

— ... Ну да, брак мне так и представлялся, — ответил он,

обдумав все за и против.

Двое, наконец, улынулись, но пока не друг другу.

— Почему ты не говоришь о том, чего не хочешь и копишь в себе недовольство, с которым можно поделиться сразу?

— Мне кажется... что в какой-то момент я тебе надоем, и ты перестанешь вообще предлагать что-либо...

— Это... С чего ты взяла?

Жена только пожала плечами:

— Не знаю, разве это не так?

— Нет, — прищурился он. — Ну, может, в какой-то момент, и правда перестану что-то предлагать, но лишь для того, чтобы придумать что-нибудь другое. То, что понравится не только мне... Я ведь люблю тебя не потому, будто ты чем-то удобна и соглашаешься на любой мой каприз...

Машина остановилась, замыкая за собой пробку, где не видно ни конца, ни края.

— Приехали, блять, — выдохнул муж, немного расслабившись и откинувшись в сиденье.

Он обернулся на свою жену, почувствовав вину за охватившее её сейчас настроение и озадаченность. То ли им, то ли собой, то ли непонятно откуда взявшейся ссорой, словно отбросившей их друг от друга по разные стороны баррикад, когда можно было просто... поговорить.

Может, он и вправду не умеет ни слушать, ни слышать? Или привык, что жена, поставив свою подпись в ЗАГСе, непременно разделит его во всех начинаниях, сказав завет-

ное «Да» и нам, и своему будущему?

Как приданое, как завоёванный трофей, выставленный на полку и ожидающий своей очереди на внимание.

И почему он был так уверен, что это та жизнь, которую она себе представляла?

Разве он не хочет быть для неё опорой и поддержкой, а не тем, кто вызывает крики, непонимание и боль?

Разве они друг против друга, а не возникших противоречий?

Они с женой думали сейчас об одном, но по-разному.

Девушка до сих пор перебегала глазами между окном и руками, не обращая внимания на стеклянный взгляд своего спутника, полного недоумения, который подпёр рукой подбородок.

Неужели она ошиблась, и всё, что свойственно ему, как человеку, — в полной мере проявляется в ситуациях, подобных этой?

У них не стало больше ссор, чем мирных и счастливых дней. Да и вообще, были ли у них в чём-либо откровенные разногласия по какому бы то ни было поводу? И была ли причина для них кроме неспособности и страха перед реакцией партнёра, собственного стыда и страха?

Никто из них не мог вспомнить. Не потому, что достигли идиллии во взаимоотношениях, и не из-за краткосрочной амнезии в стрессовом состоянии, а потому что проявление

любви заключается не только в вовремя сказанных словах, но и действиях.

Таково восприятие: скажи сто раз о словах любви — запомнят на миг, прояви любовь действием — и миг пройдет через всю жизнь.

Что же изменилось в их тандеме? Может, она и в самом деле провоцирует его на эмоции, в желание подпитывать чувство значимости, когда твой человек обращает на тебя внимание?

Только другими способами — разрушительными не в моменте, а в перспективе.

Но разве любой конфликт, приведший к ним исключительно из-за недопонимания, не должен решаться так же полюбовно: мирно, с заботой и уважением друг к другу?

Да, мода на осознанное мышление размывает границы желаемого даже внутри себя.

Особенно внутри себя.

Потому что, со временем, у человека размывается понимание: где он сам, а где социальные установки общества, которое только недавно додумалось до того, что хорошо бы научиться уживаться не только в этом мире, но и с самим собой.

Действительно, что же ей мешало сказать, если не сразу, но после схлынувшей пелены эмоции, уступив место рассудительности, что она хочет побыть с ним, но не в компании его родителей?

Момент упущения?

Но разве откровение, требующее выхода, имеет срок давности?

Пожалуй, да. Но лучше сказать о чём-то слишком поздно, чем никогда. Лучше сказать что-то не то, чем ничего. Лучше зарабатывать своевременность там, где тебя будут ждать всегда, а не когда тебя не ждут даже вовремя.

Какие бы ни были обстоятельства — не они определяют актом честности перед собой, лишь выбор, подвластный переходу от эфемерного к вечному, от отрицания до принятия, от мира — к себе и от себя к миру в равнозначной позиции. Не обрета целостности в способности взглянуть страхам в глаза, мы становимся слепы перед дорогой, проводимой жизнью.

Так если не ради другого, то для себя — позволить допустить несвоевременность, чем определить себя тишине.

Но ей не стыдно за роль жены, которую выбрала из любви, а не статуса, желающей счастья и заботе друг о друге. Даже в моментах, когда нужно переступить через себя и гордость.

Любовь — не гордость, а признание себе.

Она просто не хотела потеряться в этом водовороте, в который сама вошла и продолжает плыть.

Её иногда одолевали сомнения — осталась ли она тем же человеком, которого он полюбил и предложил построить общее будущее. Общий путь и историю.

Она защищается, потому что ей начало казаться, будто

станет придатком и тенью в своей роли.

Хоть он и никогда не давал повода даже задуматься об этом.

Тогда, что же это?

И он отнекивается, будто не понимает, что с ней или... в самом деле не понимает?

Когда они свернули не туда и начали ругаться? И почему она сама так себя ведёт?

Если она додумается всегда прикрываться завладевшими её в моменте гормонами, то и у него не будет причин относиться к ней не как к партнёру, а человеку, не несущему за себя ответственность. Где вместо понимания и сочувствия — снисхождение, как к прокажённой, которая сама не понимает, что с ней.

Непонимание — острей оправдания.

Кто хочет быть понятым — говорит. А тот, кто хочет понять — слушает.

Всё просто.

В какой же момент возникло чувство, что всё это — словно душит её изнутри?

Они ведь не против друг друга, а за.

Во всём.

Простое решение: говорить друг с другом. Честно и искренне, а не намёками или как придётся. Либо, в конце концов, оправдания пронзят души обоих непониманием.

В данном случае — у них всё будет хорошо и, в итоге, они

выберут друг друга не из-за причин «несмотря ни на что», а из любви, что учит лучше слышать, и не бояться говорить с тем, с кем разделяешь жизнь.

И когда муж решил взять свою жену за руку и улыбнуться уже ей, а не окну, — она ответила ему тем же.

Какое-то время из соседней машины за ними бесстрастно внешне, но с завистью и обидой внутри, наблюдал человек, потому что глазам нужно было на что-то смотреть.

И как нельзя кстати, внимание ухватилось именно за нашу парочку.

Свидетелю не нужно было слышать ничего из того, что происходило во время ссоры, с наглухо закрытыми окнами.

Достаточно было наблюдать до тех пор, пока молодожёны снова не объявили о классическом манифесте именем Её: с улыбкой и связкой рук.

Впервые за несколько месяцев и на лице Элен образовалось слабое, но удовлетворённое выражение лица, ведь для неё, происходящее в соседней машине, от первых криков до благородной тишины — было актом искреннего проявления любви.

И она была рада соприкоснуться с этим явлением, хотя бы в роли наблюдателя.

А любовь, знаете ли, может заявить о себе и на повышенных тонах.

Элен

Да... Лучше так громко любить, чем тихо возненавидеть.

Не знаю, нужно ли мне было о чём-то думать или к чему-то прийти, или просто... смотреть на что-нибудь, наслаждаясь случайным моментом простого человеческого.

— Хочешь, заедем куда-нибудь? — послышался голос слева.

Отвечать мне не хотелось. Да и быть здесь — тоже.

Ехать вместе и снова проживать одно и то же.

Из раза в раз.

Каждый раз.

И каждый раз я зарекаюсь не связываться с ним, каким бы то ни было образом.

Но вот я снова сижу в его машине. Даже не сопротивлялась, ничего во мне не возвало к здравому смыслу, чтобы я больше не поддавалась ни его словам и обещаниям, ни своим слабостям, когда он исчезает и снова появляется в моей жизни.

Ненавижу. И любовь к нему у меня такая же — проклятая и неблагодарная.

Лучше сконцентрироваться на музыке — не самой плохой, но единственном доступном проблеске света в пределах металлического гроба на колёсах. А играло: «*Heart of glass*» — «*Blondie*».

Господи...

Ну какова вероятность, что именно эта мелодия должна была прозвучать настолько уместно в контексте и моменте,

что ничем, кроме издевательства свыше, это и не назовёшь.

— Ты хоть не молчи, подай признаки жизни.

Я вздохнула и потянулась на месте:

— Я не хочу тебя ни видеть, ни говорить, ни слышать.
Достаточно живо?

— Я просто подвожу тебя до дома, Элен, — спокойно ответил он.

— С этой задачей справился бы и таксист, и папа, да кто угодно, у кого есть машина. Тебе-то что?

— Я переживаю за тебя... и мы не чужие люди друг другу.

— Я твоего мнения не разделяю.

— И всё-таки, ты здесь, а не у кого-то в такси.

Я посмотрела на него с таким отвращением, насколько могла себе позволить:

— И ты думаешь, будто это что-то значит? Я заплачу тебе за поездку, для спокойной жизни и совести, когда никакая мелочь больше не свяжет меня с тобой.

— Господи... — Лаврентий или как он всю жизнь называл себя, Лавен, шумно выдохнул и закатил глаза.

Конечно, при мне ему важно показаться умнее и мудрее, чем все окружающие его смертные.

Именно что показаться, но не быть.

— Тебе лучше? — снова пристал он с вопросами. — Решили твои...?

— Проблемы? — договорила я за него, приподняв брови.

— Ну я не знаю, что с тобой конкретно произошло...

— Произошёл ты, — как бы мне хотелось намотать его пустоголовую бошку на каждое колесо проезжающего мимо грузовика. — Будь добр, отъебись — окажешь услугу и себе, и мне.

— Не передёргивай, Элен... Снова я где-то остался виноват, — его снисходительная улыбка почти вывела меня из себя, если бы не прошедшее лечение, где научили преодолевать даже самые критические для нервной системы ситуации, сохраняя эмоциональное равновесие.

Итак: вдох — и ме-е-едленный выдох.

Вдох — выдох.

Вдох...

— Меня туда увезли после того, как ты довёл меня до такого состояния, сука! — не сдержалась и начала колотить его, не глядя куда. — Конечно, ты не можешь быть ни в чём виноватым!

Я почувствовала, как несколько человек из автомобильного потока обернулись на резкие движения в нашем салоне, но мне было всё равно.

Самодовольная тварь держалась за живот, сморщившись от боли.

Моя рука до сих пор крепка и уверена в своих движениях.

Но в следующий момент, когда прошёл аффект, меня снова окатила волна сожаления и сочувствия к человеку, которого я только что ударила.

Нужно держать себя в руках. Этому меня и учили — кон-

тролю над собой и чувствами.

Иначе в выигрыше останется только он. Используя мои слабости против меня самой.

— Я не виноват, что ты не умеешь себя контролировать и общаться по-человечески, — он приоткрыл окно и закурил.
— У тебя вечно проблемы из-за всех, но только не из-за себя. Ноешь и жалуешься: «Ой, меня никто не понимает, вы не знаете, что я чувствую, бу-ху», — так приложи усилия, чтобы научиться разговаривать и сделать что-нибудь со своей жизнью, если ты ей недовольна... Проблемы у неё. Девочку обидели и спустили с небес на Землю, где оказалось, что мир не крутится вокруг неё. Вот это трагедия! Как жить-то?..

— Останови машину.

— Мы в пробке, можешь выйти в любой момент.

Я молча дёрнула за ручку, которая не поддавалась моим движениям.

— Серьёзно? И куда ты пойдёшь посреди трассы?

— Напрошусь к кому-нибудь и в качестве благодарности отсосу. Что угодно, лишь бы не видеть и не слышать твою надменную и во всём верную рожу.

— Ребёнок, — с отвращением развернулся он ко мне и начал тыкать пальцем в плечо. — Ты — маленькая, капризная девочка, которая придумывает себе проблемы на ровном месте. Но Бог с ним, может, тебе так жить интереснее, но ты ещё и других людей втягиваешь в свои подростковые драмы, где виноваты все, но только не ты. Ещё и до психушки себя

довела, ебанутая, чтобы сейчас тратить время, подбирать тебя, как собаку, побитую посреди дороги, терпеть твои сцены, везти домой и слушать, что всё это моя вина, — теперь он уже был похож на себя: и лицом, и голосом, и действиями.

Несколько секунд он всё ещё таращился, пока не толкнул так, что я ударилась и плечом, и головой о стойку кузова.

Почти забыла эти ощущения, и думала, что больше не позволю такого обращения и отношения к себе...

Насилие — универсальный язык для всего. Это ещё ничего. Всего лишь толчок и небольшие ушибы, которые рассосутся за несколько дней.

А раньше я думала, что грубость — одно из проявлений любви человека, сидящего за рулём.

Я не обращала на это внимание, пока сама любила.

Я с этим мирилась, потому что все люди разные, как и их отношения с жизнью.

Я принимала Лавена со всем, что было, пока не потеряла себя.

— И не смей меня больше трогать, силой думала потягаться? В следующий раз — выбью зубы в качестве профилактики и воспитательного эффекта, — потянулся он к подлокотнику, отчего я отпрянула в сторону, в ожидании новых ударов. Но он достал пачку салфеток и кинул мне их под ноги. — Вытрись, я обещал твоим родителям, что доведу в целости и сохранности. Сука неблагодарная... Ещё и шлюха, готовая напроситься в первую попавшуюся машину и отсо-

сать всем желающим.

Утирая слёзы, но держась непоколебимостью в лице от нарастающей боли в местах, пришедших под удары, я не переставала думать о том, что всё происходящее — исключительно его прихоть.

И моя глупость.

Никто не просил его появляться с благими намерениями, что никогда не были ему свойственны, если за ними нет выгоды.

Оставшуюся дорогу до дома я снова смотрела в окно и думала о том, что он прав.

Я во всём проблема.

Глава 2

ГОД СПУСТЯ

— А у нас в гостях была Атанасия Димитриевна, дорогие слушатели. Тась, лично от себя — спасибо за разговор и за то, что обратила внимание тысячи слушателей на другую часть жизни... и смерти, наверное, тоже.

— Спасибо и тебе, Адам, и спасибо всем нашим друзьям, что присоединились в этот прекрасный осенний вечер... Утро или день, в зависимости, когда нас послушают.

— Мы с тобой не прощаемся, ведь наш цикл с итогами года — только начинается!

— Буду рада и почти за честь разделить их в этих стенах и в такой приятной компании. И, несмотря на сегодняшнюю тему, которую ты охарактеризовал «за упокой», в кавычках, мы всегда про и за жизнь, в любых её проявлениях, с чем бы ни пришлось столкнуться человеку на своём пути.

— Золотые слова и нужное напоминание каждому, да и всем без исключения. Высечь бы их на камне, чтобы всегда были перед глазами... Эх, что ж, на этом...

Значит, мне не показалось, будто услышала звонок в дверь.

Сюрпризом для меня он не был. Просто потерялась в реальности.

От этих тупых подкастов голова совсем перестаёт сообра-

жать.

Тут же благополучно забыв, о чём шла речь и в этом эпизоде.

— Привет, пап, — встретила я горячо своего гостя.

— И она снова улыбается! — его объятия всё такие же крепкие, но нежные, как в детстве. Как и всегда. Поэтому и «вернуться в детство» для меня совсем не метафора. Достаточно было лишь прикосновения. — Гостинцы. Тебе.

— Кто-то ещё говорит «гостинцы»?

— Я. Вопросы?

— Никаких. Дедуля, который постарел только там, где выгодно.

— Я не забываю кряхтеть при любых движениях, считается?

— В зависимости от того, как, — развернула я пакет, пока мы шли на кухню. — Детство прошло, когда родители вместо шоколадок и чипсов приносят вино с... шоколадками и чипсами, — и я снова улыбнулась.

Целый второй раз за день!

Какое же я ничтожество.

— Для меня — ты всегда будешь ребёнком. И это не плохо... И оливки с сыром, попрошу заметить!

Ну хоть на лице не отразилось моё мерцание вечного недовольства. И то хорошо.

— Знаешь мои слабости, пап.

— Но не все твои секреты, — подыгрывал он, откупорив

бутылку.

— И слава, блять, Богу. Тебе с этим и мамы хватает, — мы оба рассмеялись.

Не помню, когда мне не нужно было делать это через силу.

Пока мы накрывали стол, он молча поглядывал на меня, как и всегда думая, что делает это незаметно.

Переживает.

Я всегда могла это почувствовать.

Или увидеть, если рассмотрю что-то дальше своего носа.

— Как вы об этом узнали? — спросила я после первого бокала.

— Эли позвонили его родители и она мне рассказала, когда вернулся домой... Не хотел тебя беспокоить, особенно с такими новостями, но...

— Нет-нет, — взяла я его за руку. — Лучше услышать это от вас, чем от бездушного голоса в телефоне.

Молчим. Он знает, какие слова нужно подобрать для утешения, но сейчас — лучше не говорить ничего.

Я же разговаривала слезами, проталкиваемыми вином и виной.

Не всё выплакала со вчерашнего дня.

Да и позавчерашнего.

— Поганный год, пап, — с ним я могла побыть собой. — Просто, что ни день, как один ужас сменяется другим.

— Я знаю, — он снова меня обнял. Стало легче, когда я

почувствовала себя в руках родного человека. — Не представляю, что у тебя на душе, но... Я здесь и мама рядом. Хотя она и не говорит об этом, но переживает и о тебе, и обо всём, с чем мы к ней приходим сегодня, завтра и всегда.

— А... Тучку?..

— Забрали, не беспокойся.

— Да уже поздно... переживать о чём-то, Юль.

Он выдохнул, стараясь не издать лишнего звука. И за это — ему тоже спасибо.

Он крепко держал меня за руку, и я смогла душой почувствовать его слова и...

Поддержку.

— Мы так и не поговорили, а я... просто не знала, что сказать, понимаешь?

— Да.

— Даже не знаю, чем я или... «Охотник» могли помочь.

— Думаю, детка, надо было просто быть рядом, — я знала, что это правда, но услышать живую подтверждение своим мыслям, особенно от отца, было как ножом по сердцу. — А там — было бы виднее... Я так и не спросил, почему вы все перестали общаться?

— У меня нет ответа, пап, просто... так получилось.

— Да, такое бывает.

— Чувствую... что я тоже виновата.

— И это нормально, даже когда это не так.

— Это так. Я ему сказала... чтобы он не лез в мою жизнь

и... Мы ведь друзья. Почему это не так, когда мы нужны были больше всего?

— Потому что сейчас это ничего не изменит, детка.

Папа подошёл к рассуждению с лучшим, но и с самым болезненным подходом, как и во многих таких случаях, которые я разделяла с ним.

Думаю, и я в какой-то степени переняла от него это качество — смотреть туда, куда страшнее и больнее всего.

— Как с этим жить?

— Как с потерей, память о которой мы пронесём с собой. Как с частью жизни и болью, которая нас проглотит и выплюнет безжизненными остатками. С виной, разъедающей душу, как... моль шубу; с горем, которое ничем не заглушить, но потём...

— Станет легче?

— Нет. Сделает нас сильнее, научит жить дальше, — Юлиан мог бы стать блестящим психологом, которого ненавидел каждый обратившийся к нему за помощью, но после, прислушавшись, благодарил до конца жизни. Не сомневаюсь. — Горе нас ломает, но... на месте разлома — обязательно появится что-то другое. Для себя. А ты... просто привыкаешь и живёшь с тем, что есть, и... идёшь дальше. Те, кого мы потеряли — навсегда останутся с тобой, потому что без них — ты бы не стала самой собой.

— Не представляю, каково родителям, Бусинке... Даже Софи и её этому «барану». Но... он, — ухмыльнулась я с гру-

стью, стоило в памяти всплыть одному из редких прозвищ. — «Гог Ван», ведь так и не оправился, понимаешь? Мы могли быть рядом, но не были, — я повторяю то, что не могу принять как своё упущение.

— Думай о живых, Элен. Об Охотнике, который потерял друга, не имеющего отношения к его... профессии. О себе, как о человеке, собирающем себя заново. А когда туман рассеется — будет видна и дорога.

— А если не рассеется?

— Значит, ты труп. И тебя уже ничего не будет беспокоить.

— Охотник... Боюсь представить его реакцию, когда и до него дойдут новости...

Стены впитали в себя наш разговор и слова медленно расплзались эхом по всей квартире.

— Борись, детка. Оно нужно живым.

Я горько ухмыльнулась:

— Почему ты не какой-нибудь доктор наук по психологии или философии?

— Терпения не хватит растягивать очевидную мысль на несколько месяцев, чтобы поиметь больше денег с людей, которые сами себя боятся, не говоря уже о том, с чем приходят.

И снова с меня слетела улыбка, как подтверждение его словам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.